

Об одном неизвестном выступлении В.И. Абаева

В этом году научная общественность Северной и Южной Осетии широко отмечает 120-летие со дня рождения выдающегося ученого Василия Ивановича Абаева. В этой связи, перечитывая воспоминания о нем, я обратил внимание на следующее.

В 1988 г. в средних числах октября Василий Иванович с супругой Ксенией Григорьевной Цхурбаевой проводили свой очередной отпуск в Южной Осетии. По их приезду, когда планировали досуг и поездки по области, Василий Иванович сказал, что 20 октября ему необходимо быть в Тбилиси: Институт языка и литературы АН ГССР проводит научную сессию в ознаменование юбилейной даты созданного акад. Н.Я. Марром Инсти-

тута языка и мышления, и на этой сессии ему необходимо выступить с докладом. Естественно, тане невозможно проигнорировать. Я сопровождал супругу. Запомнилось, как дружеско-грузинские коллеги. Он выступил по имени «Яфетический институт». Выступление было выслушано и вызвало много вопросов на обратном пути в Цхинвал. Доклада для будущей сессии и подарил ее мне с К сожалению, в списке невышедших в разные годы, этот научный доклад опубликованный.

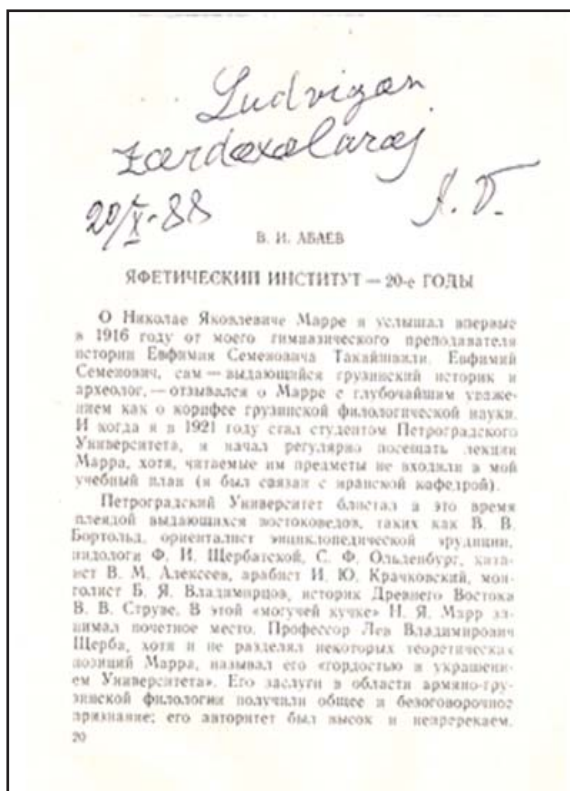
Выступление было яркое впечатление. В начале терпел жизнь в городе на парадоксальное явление социально-экономическое (голод, нищета) первой войны, с другой, как пишет «ключом была интеллектуальная необыкновенная проявилась и в создании кружков по разным направлениям. «Я, – говорил несколько таких кружков встречал в них больш-

слушал больше свежих, оригинальных идей, чем во всю мою последующую жизнь». Хотя Абаев был занят на кафедре иранистики, но в свободное время посещал лекции профессора Николая Яковлевича Марра, принимал активное участие в обсуждениях научных проблем. И это не прошло бесследно: именитый ученый обратил внимание на суждения неординарного студента. Только этим можно объяснить приглашение Абаева – студента 2 курса университета (?) в качестве научного сотрудника в открываемый им (Марром) Яфетический научно-исследовательский институт. «Предложение было для меня совершенно неожиданным, – говорил с трибуны сессии Абаев, – и в смущении я пробормотал, что могу ли я, будучи всего лишь студентом второго курса, работать сотрудником исследовательского института. Марр заверил, что это вполне возможно и пойдет только на пользу моим университетским занятиям». Вероятно, подобной чести мало кто из начинающих ученых удостоивался.

В своем докладе В.И. Абаев перечисляет известных петербургских ученых (Бартольд, Мещанинов, Орбели, Крачковский, Генко и др.), чьи лекции вызывали особенный интерес и собирали полные аудитории. Однако самый большой интерес представляли сведения, сообщенные докладчиком об особенностях личности Н.Я. Марра, об основном им Яфетическом институте, который со временем стал Институтом языка и мышления АН СССР. В этом институте Василию Ивановичу судьбой было предназначено проработать всю жизнь.

Означенный доклад В.И. Абаева, безусловно, представляет большой научный интерес и дополняет портрет ученого новыми штрихами. Потому ниже предлагается полный текст выступления. Надеюсь, в будущих библиографиях трудов В.И. Абаева оно займет свое законное место.

Л.А. Чибиров,
доктор исторических наук,
профессор.

тута языка и мышления, ходимо выступить с докладом. Естественно, тане невозможно проигнорировать.

Я сопровождал супругу. Запомнилось, как дружеско-грузинские коллеги. Он выступил по имени «Яфетический институт». Выступление было выслушано и вызвало много вопросов на обратном пути в Цхинвал. Доклада для будущей сессии и подарил ее мне с К сожалению, в списке невышедших в разные годы, этот научный доклад опубликованный.

большое, но произвело впечатление. В начале терпел жизнь в городе на парадоксальное явление социально-экономическое (голод, нищета) первой войны, с другой, как пишет «ключом была интеллектуальная необыкновенная проявилась и в создании кружков по разным направлениям. «Я, – говорил несколько таких кружков встречал в них больш-

слушал больше свежих, оригинальных идей, чем во всю мою последующую жизнь». Хотя Абаев был занят на кафедре иранистики, но в свободное время посещал лекции профессора Николая Яковлевича Марра, принимал активное участие в обсуждениях научных проблем. И это не прошло бесследно: именитый ученый обратил внимание на суждения неординарного студента. Только этим можно объяснить приглашение Абаева – студента 2 курса университета (?) в качестве научного сотрудника в открываемый им (Марром) Яфетический научно-исследовательский институт. «Предложение было для меня совершенно неожиданным, – говорил с трибуны сессии Абаев, – и в смущении я пробормотал, что могу ли я, будучи всего лишь студентом второго курса, работать сотрудником исследовательского института. Марр заверил, что это вполне возможно и пойдет только на пользу моим университетским занятиям». Вероятно, подобной чести мало кто из начинающих ученых удостоивался.

В своем докладе В.И. Абаев перечисляет известных петербургских ученых (Бартольд, Мещанинов, Орбели, Крачковский, Генко и др.), чьи лекции вызывали особенный интерес и собирали полные аудитории. Однако самый большой интерес представляли сведения, сообщенные докладчиком об особенностях личности Н.Я. Марра, об основном им Яфетическом институте, который со временем стал Институтом языка и мышления АН СССР. В этом институте Василию Ивановичу судьбой было предназначено проработать всю жизнь.

Означенный доклад В.И. Абаева, безусловно, представляет большой научный интерес и дополняет портрет ученого новыми штрихами. Потому ниже предлагается полный текст выступления. Надеюсь, в будущих библиографиях трудов В.И. Абаева оно займет свое законное место.

Л.А. Чибиров,
доктор исторических наук,
профессор.

В.И. Абаев. ЯФЕТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: 20-е годы

О Николае Яковлевиче Марре я услышал впервые в 1916 году от моего гимназического преподавателя истории Евфимия Семеновича Такайшвили. Евфимий Семенович, выдающийся грузинский историк и археолог, отзывался о Марре с глубочайшим уважением как о корифее грузинской филологической науки. И когда я в 1921 году стал студентом Петроградского Университета, я начал регулярно посещать лекции Марра, хотя читаемые им предметы не входили в мой учебный план (я был связан с иранской кафедрой).

Петроградский Университет блистал в это время плеядой выдающихся востоковедов, таких как В.В. Бартольд, ориенталист энциклопедической эрудиции, индолог Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, китаист В.М. Алексеев, арабист И.Ю. Крачковский, монголист Б.Я. Владимирцов, историк Древнего Востока В.В. Струве. В этой «могучей кучке» Н.Я. Марр занимал почетное место. Профессор Лев Владимирович Щерба, хотя и не разделял некоторых теоретических позиций Марра, называл его «гордостью и украшением Университета». Его заслуги в области армяно-грузинской филологии получили общее и безоговорочное признание; его авторитет был высок и непререкаем. Он был в зените своей славы. Его личности как умного человека был присущ необыкновенный динамизм. Он никогда не стоял на месте. Все новые и новые идеи овладевали им и влекли его все к новым горизонтам. К сожалению, они заносили его иногда за пределы доказуемого.

В его творческой биографии просматриваются три этапа:

- 1) армяно-грузинская филология;
- 2) третий этнический элемент в формировании средиземноморской культуры;
- 3) «Новое учение о языке».

На первом этапе он выступает как «чистый» филолог. Ему принадлежат образцовые издания и исследования памятников древнегрузинской и древнеармянской письменности. Но уже на этом этапе у него зреет представление о Кавказе как едином культурно-лингвистическом мире, появляются работы о чанском, сванском, абхазском языках. Отсюда один шаг к следующему этапу: кавказский этно-языковой мир – остаток древней средиземноморской этнической культуры, реликтом которой на дальнем Западе является народ басков. Этому «третьему» элементу Марр присвоил имя «яфетического» (по имени третьего сына библейского Ноя, Яфета; имена Сима и Хама закрепились за семитической и хамитической языковыми группами).

С теорией «третьего элемента» Н.Я. Марр стоял еще на достаточно твердой почве. Родство баскского языка с картвельскими и сейчас признается такими авторитетными учеными, как француз Лафон, испанец Товар, а также рядом грузинских

специалистов. Речь идет не о едином средиземноморском «п्राязыке», а о непрерывном культурно-лингвистическом континууме, простиравшемся от Пиринеев до Кавказа.

В начале 20-х годов, когда я стал посещать лекции Н.Я. Марра, у него уже наметился переход от «средиземноморского» этапа к «новому учению о языке». Яфетические языки стали рассматриваться не как особая группа, а как одна из стадий – и притом весьма древняя – единого глоттогонического процесса. Круг интересующихся марровскими идеями резко расширился. Уже не одни кавказоведы, но специалисты самых различных областей гуманитарной науки стали тянуться к Марру, потому что это было новое слово. Вместе с тем Марр распрощался отныне с периодом мирного кабинетного научного труда и вступил в полосу острой полемической борьбы. Эту борьбу он вел с огромным, можно сказать, юношеским темпераментом и энергией, которые покоряли даже тех, кто плохо разбирался в существе излагаемого материала и идей. Когда, после очередной лекции Марра, слушатели делились своими впечатлениями, приходилось слышать и такую оценку: «Не очень понятно, но очень интересно». Идеи Марра становились достоянием не только филологов, но и широкого круга интеллигенции. Поэт Валерий Брюсов писал:

*От дней Атлантиды
Несут откровенья до нас яфетиды.*

Лекция начиналась спокойно. Марр читал текст по заранее заготовленным листочкам. Но вот в ходе лекции возникала какая-нибудь тема, которая в данный момент особенно волновала Марра и была, к тому же, дискуссионной. Тогда характер лекции менялся. Марр все больше воодушевлялся. Спокойное течение его речи переходило в бурные каскады. Под конец листочки летели в одну сторону, пенснэ летело в другую, и Марр переходил на импровизацию. Эти импровизационные взрывы были всегда особенно интересны, и мы каждый раз с нетерпением ждали, когда они наступят...

Однажды после лекции Николай Яковлевич остановил меня и спросил без предисловий, не согласился ли бы я стать штатным сотрудником недавно созданного «Яфетического института». Предложение было для меня совершенно неожиданным, и в смущении я пробормотал, что могу лишь, будучи всего лишь студентом второго курса, работать сотрудником исследовательского института. Марр заверил, что это вполне возможно и пойдет только на пользу моим университетским занятиям.

В назначенный день и час я отправился... на квартиру Николая Яковлевича. Да, теперь это может показаться странным, но Яфетический институт располагался в то время на его квартире на Васильевском острове, на углу 7-й линии и набережной. Каким авторитетом надо было обладать, чтобы на пустом месте создать академический институт с мало кому понятным названием «Институт яфетидологических изысканий» и поместить этот институт в своей собственной квартире!

Дверь мне открыла пожилая женщина, очень скромно одетая. Оказалось, что это – жена Марра, Александра Алексеевна. И в последующие мои посещения дверь открывал либо сам Николай Яковлевич, либо Александра Алексеевна. Постоянной прислуги у них не было.

В кабинете я застал Марра беседующим с известным филологом-романистом Д.К. Петровым. Стали подходить другие сотрудники новорожденного Института: Иван Иванович Мещанинов, Карпез Дариспанович Дондуа, Анатолий Несторович Генко. Этим троим я знал уже раньше. Хотя они давно вышли из студенческого возраста и уже вели самостоятельную научную и преподавательскую работу, они продолжали аккуратно посещать лекции Н.Я. Марра, и я с ними там познакомился.

Пришли, далее, германист В.А. Брим, тюрколог А.Н. Самойлович, историк Древнего Востока В.В. Струве и некоторые другие, Николай Яковлевич представил меня собравшимся. При этом, говоря о моей национальной принадлежности, он назвал меня не «осетин», а по-древнегрузински — «овс». И те, кто не знал древнегрузинского языка, были в недоумении: что это за национальность — «овс»?!

О составе и работе Яфетического Института в первые годы его существования дают представ-

ление издаваемые им «Яфетические сборники» I (1922), II (1923), III (1925), IV (1926), V (1927). Состав Института подобрался сильный и ровный. Единственным исключением был, пожалуй, Иосиф Авгарович Орбели...

Археология – это та наука, где богиня удачи играет немалую роль. Орбели повезло. В нише Ванской скалы в Армении он откопал важную халдскую клинообразную надпись. Разобраться в ней он не мог. Этим занялся Марр. Орбели успел заработать репутацию крупного археолога, и с этой репутацией как законный преемник Н.Я. Марра был избран в члены Академии наук.

Избрание в члены Академии наук, к сожалению, не всегда бывает обоснованным. Пример приведу из недавнего прошлого.

В первом номере журнала Академии наук Грузии «Мацне» за 1984 год (серия языка и литературы) была опубликована статья грузинской лингвистки Тинатин Шарадзенидзе «Непонятная тенденциозность». В этой статье дана критика ряда работ и высказываний профессора Б.А. Серебренникова, с претенциозным высокомерием охаивающего грузинскую науку. Серебренников берется судить о вещах, в которых не разбирается. В своем вышедшем произведении¹ на с. 303, касаясь индоевропейского чередования гласных e/о (типа русского везу//воз), называет это явление... «умлаутом», т. е. не отличает умлаут от аблаута...

И что же вы думаете! Подходят очередные выборы в Академию наук, и он бодро проследовал в действительные члены.

Фигура Серебренникова не случайно появилась на нашем горизонте. Он возник из небытия на антимарровской волне 50-х годов... Он решил, что антимарризм – это золотая жила, которая будет безотказно кормить его как «теоретика» до конца дней. Он открыл разнузданную травлю учеников Н.Я. Марра. В отличие от серьезных ученых, таких как А.С. Чикобава, В.В. Виноградов, которые не выходили за рамки корректной научной полемики, Серебренников действовал чисто полицейскими методами: «проработать» публично, снять с работы, запретить печататься и т. п. Не имея за душой теоретического запаса багажа, кроме антимарризма, он в вышеупомянутой книге пытается в наши дни гальванизировать дискуссию 50-х годов. Оказывается, в настоящее время существует «неомарризм» и, оказывается, не формализм и модернизм, а именно «неомарризм» является самым опасным врагом советского языкознания!...

Всей своей научной карьерой Серебренников обязан исключительно Марру. Без Марра не возник бы «ученый» антимаррист Серебренников. Ему следовало бы молиться на Марра и носить цветы на его могилу.

Вернемся, однако, в Яфетический Институт начала 20-х годов. Каждый, кто познакомился с его ра-

¹ Б.А. Серебренников. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. (Здесь и далее прим. В.И. Абаева).

ботой, мог заметить, что он не похож ни на какой другой академический институт. Здесь не было обязательного ежедневного посещения Института сотрудниками. Не было почасового расписания рабочего времени. Понятие «служба» было совершенно неприменимо к сотрудникам Института. Они не «служили». Они шли на 7-ю линию Васильевского острова, движимые жадной новизны идей и притягательной силой неповторимой личности Марра.

Сотрудники собирались раз в две недели и заслушивали научный доклад кого-либо из сотрудников. Затем следовало обсуждение доклада. В обсуждении всегда принимал участие сам Николай Яковлевич. Он обычно выступал в конце. Его выступления все ждали с нетерпением. Оно иногда отклонялось от темы заслушанного доклада, но всегда было необыкновенно интересным, эмоциональным, искрометным, изобиловавшим неожиданными идеями, толкованиями и сопоставлениями.

Чтобы оценить значение того очага творческой гуманитарной мысли, который горел в Яфетическом Институте, надо перенестись в Петроград тех дней. Время было трудное. Страна едва оправлялась от ран, нанесенных Первой мировой, а затем Гражданской войнами. Бедность и разорение чувствовались повсюду. Значительная часть населения жила на скудные пайки. Люди во всем терпели нехватку.

Но вот что поразительно! Среди этой нищеты и разрухи ключом была интеллектуальная жизнь. Одним из выражений этого духовного взрыва были вольные кружки. Их было тогда в Петрограде множество: литературных, философских, историографических, естественно-научных. Они возникали стихийно, снизу, по инициативе отдельных энтузиастов. Собирались периодически на частных квартирах. Я регулярно посещал несколько таких кружков и должен сказать, что встречал в них больше интересных людей и слышал больше свежих, оригинальных идей, чем во всю мою последующую жизнь. Петроградские вольные кружки 20-х годов – одно из самых знаменательных явлений нашей послереволюционной истории.

Я остановился на петроградских кружках потому, что для меня, – и, думаю, не только для меня, – Институт на 7-й линии был не чем иным, как одним из таких кружков. Я так и называл его: марровский кружок. Как и в другие кружки, люди тянулись туда не в порядке обязанности, а «томимые духовной жадью».

До настоящего времени не получил должной оценки и тот факт, что до основания Яфетического Института в системе Российской Академии наук не было института общелингвистического профиля, было отделение русского языка и словесности (ОРЯС). Оно занималось только русским и

славянскими языками. Именно Н.Я. Марр, создав Яфетический Институт, ввел общее языкознание как самостоятельную теоретическую дисциплину в круг академических наук. Яфетический Институт был со временем преобразован в Институт языка и мышления, а последний – в Институт языкознания. Стало быть, нынешний Институт языкознания в Москве с филиалом в Ленинграде – прямой «потомок» Яфетического института. Эту заслугу Н.Я. Марра как организатора науки ни в коем случае нельзя преуменьшать.

Заклячая мои воспоминания о Яфетическом Институте, не могу не сказать несколько слов о супруге Н.Я. Марра, Александре Алексеевне. Она тоже была из академической семьи. Ее брат был известный иранист Валентин Алексеевич Жуковский, автор ценных работ о диалектах персидского языка.

По первому впечатлению она могла показаться суховатым человеком. В действительности это было чудо доброты и самоотверженности. Ее преданность Николаю Яковлевичу не знала пределов, и эту преданность она переносила и на его учеников, которые светили для нее отраженным светом Николая Яковлевича. Я лично помню от нее много теплоты и внимания.

Для мужа она была незаменимой помощницей, выполняя массу черновой технической работы по подготовке рукописей к печати, чтению корректур, составлению сказателей. В.А. Миханкова в своей книге о Марре пишет: «Корректорские листы («Сборники притч Вардана») читала и жена Н. Я. – ча со свойственной ей выдержкой, сличая букву за буквой бесчисленные армянские тексты...». «Н. Я. приводит в порядок собранные им материалы по бесписьменным языкам Кавказа – аварскому, удинскому, сванскому, абхазскому и др., дополняет их материалами, собранными за границей, по баскскому, этрусскому, кельтским, по топонимии Средиземноморья. Неизменной помощницей его в этих работах являлась А.А. Марр, которая составляла обратные словари, указатели, переписывала занесенные Н. Я. – чем на карточки словарные материалы, составляла списки названий населенных мест и т. д... Работу по подготовке грузинского словаря Чубинова для переиздания также выполнила А.А. Марр»².

Бесспорным фактом является то, что многие крупные ученые обязаны своими достижениями в значительной степени огромной, повседневной, самоотверженной помощи и заботе своих жен. И есть какая-то обидная несправедливость в том, что их имена обычно нигде не упоминаются и их поистине героический труд остается мало кому известным...

В. Абеев.

² В.А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. Изд. 3-е. М.–Л., 1949, сс. 87, 303–304.